

Оглавление

Предисловие	6
Игорь Всеволодович Архангельский	
<i>Детство во время войны</i>	8
Владимир Павлович Барсуков	
<i>Что я помню</i>	24
Герман Сергеевич Бродов	
<i>Начало войны</i>	68
Петер Буссемер	
<i>Германо-советские научные связи</i>	72
Клеменс Вайсс	
<i>Обнинское — детство и юность в изоляции</i> ..	106
Юрий Михайлович Горбачев	
<i>На Уральских и Рудных горах</i>	186
Готфрид Зигерт	
<i>Семь несчастливых лет жизни</i>	198
Рольф Ланге	
<i>В поисках следов памяти</i>	204
Борис Петрович Лашков	
<i>Отдавая должное</i>	224
Вальтрауд Ошманн	
<i>Мое военное детство</i>	330
Ольга Георгиевна Семёнова	
<i>Не только геофизика</i>	338
Дитер Энгелаге	
<i>Тяжелое чувство исторической вины</i>	398
Герберт Янковски	
<i>Приход Советской армии в Дребах</i>	422
<i>Беженцы из Восточной Пруссии</i>	428
Вместо послесловия	438

Предисловие

Отмечая очередную Победу в Великой Отечественной войне следует вспомнить о детях с обеих сторон, переживших войну и послевоенную разруху и нашедших в своей жизни возможности сотрудничества и дружеского мирного сосуществования.

Иногда случайные совпадения приводят к неожиданным решениям. Первая мысль составления такой книги родилась, когда я прочел в воспоминаниях Клеменса Вайсса, сына известного немецкого физика-ядерщика, работавшего после войны над советским атомным проектом, о том, как он в голодные военные годы в Германии с нетерпением ждал 18 часов, когда давали поесть. Точно так же, по рассказам моей матери, я спрашивал в блокадном Ленинграде, еще не зная цифр, когда стрелки на ходиках встанут прямо, то есть в 18:00. Тогда мне тоже давали поесть. Страдания не имеют национальности и границ. И окончательным решением составления данного сборника стало сегодняшнее безумие национальной нетерпимости на Украине, спровоцированной уродливым олигархическим капитализмом.

Авторы, представленные в этой книге, родились в 30-е годы прошлого века. Независимо от того, жили ли они в Советском Союзе, позднее в России, или в ГДР, позднее в ФРГ, их всех объединяет общая судьба. В детстве они пережили лишения и ужасы войны — потерю близких, голод, эвакуацию, изгнание, а в зрелом возрасте — не только кардинальное изменение

общественно-политического строя, но и исчезновение государств, в которых они жили. И теперь с высоты своего возраста авторы не только вспоминают события нелегкой жизни, но и дают им оценку в надежде, что у последующих поколений не будет военного детства, а перемены будут вести только к благополучию. Авторы делятся здесь своими воспоминаниями, размышляя о непростых взаимоотношениях русских и немцев. При этом под русскими, показанными в подзаголовке, для краткости подразумеваются все национальности и народы Советского Союза и Российской Федерации.

Несмотря на суровое детство, каждый из авторов сумел найти свое место в жизни, свой трудовой путь и личное счастье.

Все соавторы этой книги — мои друзья или хорошие знакомые. Их воспоминания, очень разные по объему и тем акцентам, которые они считали нужным расставить, объединяет мысль, сжато выраженная эпиграфом к этой книге.

Немецкие тексты переведены мной.

Игорь Всеволодович Архангельский

Детство во время войны

Игорь Всеволодович Архангельский родился в 1937 году. Пережил ребенком во время эвакуации из Ленинграда обстрел немецкими самолетами. В 1959 году окончил геологоразведочный факультет

Ленинградского горного института. Работал в качестве руководящего специалиста геотехника на различных военных и атомных объектах Советского Союза и за рубежом. Руководитель геотехнического предприятия «Недра». Автор книг о петербургской Анненишule и Горном институте, давших ему путевку в жизнь.

Я родился 23 июня 1937 года в Ленинграде. Мой отец Всеволод Николаевич Архангельский родился в Саратове в дворянской семье, что он, естественно, скрывал. Окончил Саратовский государственный университет и работал доцентом кафедры русской литературы в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена. Мама Надежда Юльевна Архангельская (урожденная Гессен) родилась в Санкт-Петербурге в семье ученого-историка, окончила филологический факультет Ленинградского государственного университета, а затем высшие библиотечные курсы (позже они стали именоваться Библиотечным институтом им. Крупской) и работала заведующей библиотекой 189-й школы Дзержинского района Ленинграда. У меня был старший брат Дмитрий, учившийся в той же школе, где работала мама. Меня же водили в детский сад на ул. Восстания. Летом наша семья снимала дачу в селе Рождествено на берегу реки Оредеж.

До революции в Рождествено располагалась усадьба знаменитой семьи Набоковых. Члены семьи моей мамы бывали у Набоковых в гостях. Издатель и общественный деятель Иосиф Владимирович Гессен, двоюродный дядя моей мамы, писал, что с Владимиром Дмитриевичем Набоковым его «связывали узы 20-летней совместной и согласованной общественной де-

тельности и все крепнущей безоблачной дружбы». И. В. Гессен первым из издателей заметил и оценил растущее мастерство его сына Владимира, печатавшегося в Европе под псевдонимом «Сирин». После гибели В. Д. Набокова, благороднейшего человека, ценою своей жизни спасшего П. Н. Милюкова от пули террориста-черносотенца, И. В. Гессен стал старшим другом его сына. И. В. Гессен писал, что ему посчастливилось встретить в жизни двух гениев: С. С. Прокофьева и В. В. Набокова, причем последний «по своей памяти был исключительный избранник Божий». В автобиографической книге «Другие берега» В. В. Набоков с большой теплотой пишет о И. В. Гессене.

До революции будущий писатель Владимир Набоков учился в Тенешевском училище вместе с маминым старшим братом Даниилом и играл с ним в одной футбольной команде. Семьи Набоковых и Гессен поддерживали очень теплые отношения. И хотя Набоковы вынуждены были покинуть Россию, мама приезжала каждое лето в Рождествено. Видимо, там сохранилось нечто, что навевало какие-то радостные воспоминания.

Лето 1941 года наша семья, как всегда, проводила в Рождествено. 23 июня, в день моего рождения, ждали гостей из Ленинграда. Но никто не приехал. Через два дня узнали, что началась война. Маму вызвали в школу и предложили сопровождать детей Дзержинского района в эвакуацию. В начале сентября 1941 года поезд с детьми отошел от перрона Московского вокзала. На станции Старая Русса Новгородской области налетели фашистские самолеты. В результате налета пострадал эшелон с детьми, а стоявший на соседних путях воинский эшелон уцелел. До сих пор у меня перед гла-

зами стоит картина: красноармейцы в скатках через плечо вытаскивают из горящего состава детей, бегут с ними через железнодорожные пути и усаживают их в открытый кузов автомашин с газогенераторными двигателями, работавшими на дровах. Потом мы оказались в Костромской области, где и пробыли до конца войны... (сейчас в Костромской области, как и в других областях России, находят пристанище украинские беженцы, спасающиеся от авиации и артиллерии современных фашистов).

Вначале я находился в районном центре — селе Парфеньево в детском саду, а мама в это время жила в деревне Матвеево в 20 км от Парфеньево. Из Матвеево мама ходила в Парфеньево пешком, чтобы повидать меня. В селе Матвеево расположился интернат ленинградских детей школьного возраста. Мама работала воспитателем в интернате и преподавала в школе немецкий язык.

Первые ночи в детском саду были очень тревожными. Я и другие дети просыпались от взрыва бомб. Это фашисты бомбили мосты на Волге. Дежурная няня подходила к каждому и успокаивала.

В детском саду я обнаружил, что у воспитательницы имеются любимчики. Я это сразу почувствовал. В их число я не попал, и это мне было неприятно. Таким образом, неравенство я начал ощущать еще в дошкольном возрасте. Еще одно воспоминание о детском саде связано с отправлением естественных нужд. Девочки и мальчики садились на горшки по команде, но сидели на них разное время. Некоторые сидели так долго, что у них выпадала кишка. Тетка в белом халате клала ребенка с выпавшей кишкой на стол животом вниз и с помощью ваты заталкивала кишку на место.

Летом 1943 года мама приехала за мной на телеге и повезла в Матвеево. Хотя стояло лето, она надела на меня зимнее пальто. Ехали мы по лесной дороге очень долго. Лошадь постоянно останавливалась, жевала придорожную траву или пила воду из луж. На протяжении 20 км нам попался всего лишь один дом, но он был очень странный: деревянный, узкий, высокий, с крутой деревянной наружной лестницей, похожий на пожарную каланчу в Парфеньево.

Село Матвеево меньше Парфеньева. В нем имелись школа, правда, она появилась только с приездом ленинградских детей, больница, двухэтажное здание интерната. Все деревянное. Дома крестьян просторные, добротные, с деревянными полами, в то время как в соседней деревне Григорьево полы в низких бедных домах были земляные. В Григорьево сохранилась церковь, которую посещали жители Матвеево. Колокольный звон разносился далеко.

Все интернатские дети были заняты какой-нибудь работой в интернате или в колхозе. Мне было поручено пасти свиней. Целыми днями они лежали в дорожной пыли и не причиняли мне никаких хлопот. Иногда я садился на спину какому-нибудь борову и катался на нем верхом. Мне часто приходилось таскать на кухню наколотые старшими ребятами дрова. После этого руки очень болели. Поздней осенью я вместе со старшими ребятами убирал на полях кочаны капусты. Уже было холодно, и руки мерзли. Мы залезали в сарай без дверей на столбах, приподнятый над землей примерно на метр. Разжигали там под крышей костер и грелись. С удовольствием ели капустные кочерыжки.

В интернате я чувствовал себя хорошо. У меня был покровитель — высокий сероглазый парень по

имени Виктор. Он мне во всем помогал и защищал. В 1944 году блокада Ленинграда была окончательно прорвана. На ленинградских предприятиях катастрофически не хватало рабочих. Тогда со всех уголков страны в Ленинград стали возвращать эвакуированных подростков для работы на заводах. Уехали ребята и из нашего интерната, в том числе и мой покровитель. Взамен ленинградских ребят в интернат приехали подростки из разных районов страны. Это были уже другие люди. Они отнимали у младших еду, колотили их. Дети плакали, но жаловаться взрослым было не принято. Поэтому терпели. У меня появился новый покровитель, но не бескорыстный. За свое покровительство он требовал с меня два куска сахара, которые нам давали к чаю на завтрак. Надо сказать, что питание в интернате было скудное. Все время хотелось есть. При обилии молока вокруг нам давали только молочную сыворотку. А толстая директриса со своим семейством на наших глазах поедала целые стаканы сметаны.

Нас подкармливали местные жители. Женщины (мужчин в селе почти не было — все воевали на фронте) часто приглашали меня к себе в дом словами: «Вакуированный, поди сюда!». Я заходил, и меня угощали домашним хлебом и наливали из крынки кружку молока. Однажды из крынки вместе с молоком выскользнула мышка. Потом меня просили спеть какую-нибудь песню. Обычно я исполнял «Раскинулось море широко». При этом звук «р» я не выговаривал. Женщины умиленно смотрели на меня и хохотали.

В 1944 году в Парфеньевский район привезли крымских татар — артистов национального театра, изгнанных с родной земли за сотрудничество с немцами.

В лесу недалеко от нас построили бараки и поселили в них несчастных людей. Жили ссыльные татары, как я узнал из разговора взрослых, под надзором лейтенанта НКВД, который за каждую провинность сажал их в холодный погреб. Татарские артисты выступали за мизерную плату в окрестных селах. Приезжали и в наше село Матвеево и вместе со своими детьми весело отплясывали в смешных масках с двумя лицами — впереди и на затылке — перед сельскими жителями. Казалось, что они радуются жизни...

Недалеко от села Матвеево протекала неширокая, но быстрая речка Нея. Берега и дно этой речки сложены чистым желтым песком. По реке шел сплав леса. Сельские ребята развлекались тем, что по плывущим бревнам перебегали на другую сторону реки. Я тоже попытался это сделать, но где-то посередине реки бревно подо мной крутанулось, я упал в воду и оказался на дне, а надо мной двигались бревна. Плавать я не умел. К счастью, на реке находилась моя мама и наблюдала за мной. Мама быстро вытащила меня из воды. Речку Нея упоминает А. Солженицын в книге «Ахипелаг Гулаг». По этой речке сплавливали на плоту крымского татарина — беспомощного старика.

Война отучила от празднования дней рождения. Я даже забыл, когда родился. И вот 23 июня я с интернатской девочкой пошел гулять в лес. А мама в это время накрыла в своей комнатухе стол (я жил вместе со всеми ребятами), пригласила гостей, но меня не предупредила. Я прогулял весь день, а когда вернулся, мама отстегала меня крапивой. Я не понимал, за что, и потому мне было очень обидно. Конечно, от обиды громко рыдал, да и от крапивы чувствовал сильное жжение.

Через некоторое время во мне неожиданно произошла перемена. Я перестал плакать, меня уже никто не обижал, а если делал попытки, то получал отпор. Я почувствовал в себе какую-то непонятную мне силу. С тех пор до преклонных лет я живу счастливой жизнью. По-настоящему меня никто никогда в жизни не обидел и не унизил, я никому не позволял этого сделать. Правда, мои начальники считали, что у меня тяжелый характер. Я их понимал. Если они ругали своих подчиненных, оскорбляли или надсмехались над ними, то при обращении со мной они сдерживались. Это для них было тяжело. Когда я в очередной раз перечитываю пушкинского «Пророка», я всегда вспоминаю то давнее мое внутреннее преобразование...

Осенью 1944 года я пошел в школу, в первый класс. У нас был всего один потрепанный букварь на весь класс. Но меньше чем через месяц я уже бойко читал вслух. Другие дети читали запинаясь, и это меня очень удивляло. В школе существовал еще один первый класс, специально для сельских ребят, у которых до приезда эвакуированных детей не было школы. В этом первом классе учились ребята в возрасте от 10 до 17 лет. Некоторых из них прямо из первого класса забирали в армию.

В школе не было никаких письменных принадлежностей. Мы писали на газетной бумаге карандашом. Для счета использовали камышовые палочки. Зимой в школе было очень холодно. Все сидели в пальто. Но я не помню, чтобы кто-нибудь из ребят болел. Правда, у всех были глисты и ползали вши. Начиная с ранней весны до поздней осени мы ходили босиком, хотя имелись ботинки. Зимой нам выдавали валенки. Когда выпадал снег, на уроках военной подготовки ходили на лыжах. В свободное время катались на санках.

Весну 1945 года я запомнил на всю жизнь. Впервые увидел свежие газеты. В одной из них были помещены портреты союзников: советского солдата, британского и американского. Советский и британский солдаты были серьезны, американский солдат широко улыбался. В начале мая 1945 года из районного центра на лошади прискакал мальчишка и прокричал: «Поймали Гитлера». Председатель сельсовета Иван Иванович собрал жителей села и поздравил всех с этим событием. Через несколько дней пришло новое сообщение: «Победа». На площади села состоялся митинг, на котором снова выступил Иван Иванович. Поздравил с победой, правда, опроверг сообщение о поимке Гитлера, но все радовались, и колонной, с пением песен, под красным знаменем люди прошли по селу.

В июне 1945 года мама получила вызов из Ленинграда. Без вызова выезжать было пока нельзя. На подводе мама, брат Дмитрий и я с вещами и тремя мешками сушеной картошки приехали на железнодорожную станцию Никола-Палома. Сели в товарный вагон и ровно месяц ехали до Ленинграда. Сейчас этот путь занимает менее суток.

И вот поезд прибыл в Ленинград. На площади у Московского вокзала приезжим предлагались все виды транспорта: легковые и грузовые автомобили, запряженные лошади, тележки и просто носильщики. Мы выбрали тележку. Ее хозяин погрузил наши вещи, сверху посадил меня, взял тележку за ручки и повез в Басков переулочек. Минут через двадцать мы были на месте. Перед нами стоял полуразрушенный дом. Половина дома зияла пустыми глазницами окон. Во время войны в дом попал снаряд, начался пожар и половина дома выгорела. Вместе с управдомом мы с опа-

ской поднялись по уцелевшей лестнице на четвертый этаж. Справа была пропасть, а слева обгорелые двери квартир. Мы смогли войти в свою квартиру и комнату. Вещей практически не было. Все украли. В доме не действовали водопровод и канализация. За водой мы ходили на улицу, где имелся кран. Нужду справляли в развалинах.

В июле мама отправила меня в Сестрорецк. Там в военном госпитале работала медсестрой моя тетья — Мина Яковлевна Гессен. Я жил в комнате с тетей Миной и еще двумя медсестрами. Вместе с ними питался. Впервые за несколько лет я почувствовал себя сытым. Кормили в госпитале очень хорошо. Госпиталь располагался на берегу Финского залива. Но пляж ограждала колючая проволока. Он был заминирован. Я садился на крылечко и смотрел, как немецкие военнопленные в сопровождении русского автоматчика находят и извлекают мины. Затем они что-то делали с миной и кидали ее в сторону воды. Раздавался хлопок, и группа двигалась дальше. Из госпиталя выходили выздоравливающие бойцы и тоже смотрели на разминирование. Никаких чувств по отношению к немцам они не высказывали.

Первого сентября 1945 года я пошел во 2-й класс мужской 203-й школы им. А. С. Грибоедова. В этой же школе мама стала работать заведующей библиотекой. Брат Дмитрий поступил в шестой класс. Школа размещалась в одном из зданий, которое до революции занимала немецкая школа Анненшуле. В библиотеке мама показывала мне некоторые книги, которые сохранились еще со времен Аннен. Например, полное собрание сочинений В. Шекспира на русском языке. Роскошные фолианты с прекрасной бумагой, иллюстрациями, переложенными папиросной бумагой.

Школа размещалась между ул. Салтыкова-Щедрина (ныне Кирочная ул.) и ул. Петра Лаврова (ныне Фурштатская ул.). Недалеко находился так называемый «Большой дом» — здание, где размещались управления внутренних дел и государственной безопасности. Немцы пытались разбомбить это здание, а также Литейный мост. Но все время попадали в жилые дома. Поэтому в районе школы было много разрушенных зданий. Их восстанавливали военнопленные немцы. Из разговоров взрослых я понял, что работали немцы очень добросовестно. Одно из зданий находилось на ул. Петра Лаврова рядом с нашей школой. Я часто с ребятами ходил глазеть на немцев. Они вели себя довольно свободно. Выскакивали за строительное ограждение на мостовую и предлагали прохожим различные поделки: детские деревянные игрушки, швабры, другие бытовые предметы. Часовой с автоматом стоял в стороне, отвернувшись. Прохожие останавливались, торговались с немцами, шутили и смеялись. Некоторые делали заказ. Я не заметил, чтобы кто-нибудь отнесся к немцам враждебно, хотя совсем недавно ленинградцы пережили страшную блокаду. Немцы перестали быть врагами. Да и вид у них был далеко не воинственный. Худые, в обтрепанной одежде. Я видел, как плохо одетая женщина передала немцу вареную картофелину в «мундире». Немец с благодарностью взял ее.

Я сообщил маме, что у немцев можно недорого купить нужные в хозяйстве вещи. Она пришла и купила швабру с длинной ручкой белого цвета. С этого времени я подметал пол в нашей большой комнате — бывшем кабинете моего деда-историка немецкой шваброй. До этого подметали веником, что было неудоб-

но, поскольку приходилось нагибаться, и я всячески уклонялся от уборки. А теперь я подметал с удовольствием...

Через много лет, в 2004 году, вышла моя книга под названием «Анненшуле — сквозь три столетия». Эта книга о двух петербургских школах: немецкой школе Анненшуле и советской школе № 203, которая разместилась в одном из зданий Анненшуле. В книге подчеркивается значительная роль, которую сыграли немцы в жизни Санкт-Петербурга, в развитии науки, культуры и промышленности. Все немцы, проживавшие в Санкт-Петербурге, имели нужные для столицы России профессии. Прежде всего это были ученые. Первым президентом Российской академии наук был немец Р. Л. Блюментрост. Много было среди немцев врачей, учителей, священников, военных. Долгое время в России слова «немец» и «врач» были синонимами. Треть русского генералитета времен войны 1812 года носила немецкие фамилии. Немало немцев представляло мир искусства. Среди немцев имелось множество строителей, предпринимателей, коммерсантов, банкиров. Хорошо известно мастерство немцев-ремесленников.

И хлебник, немец аккуратный
В бумажном колпаке не раз
Уж отворял свой васисдас.

А. С. Пушкин «Евгений Онегин».

Вокруг Санкт-Петербурга существовали немецкие колонии, которые обеспечивали жителей города сельскохозяйственной продукцией. Недавно мне пришлось выполнять геотехнические изыскания в дер. Новосаратовка Всеволожского района Ленинградской области — бывшей немецкой колонии «Новосаратовка».

Название колонии произошло из-за того, что немецких колонистов первоначально планировали поселить в Саратове. Новосаратовская колония основана на правом берегу Невы при Екатерине II немецкими колонистами, выходцами из Бранденбурга и Вюртемберга. Немецкое население проживало здесь до марта 1942 года, после чего было полностью депортировано. Из немецкого наследия осталось церковное здание, в котором теперь находится лютеранская семинария.

Просвещенные петербуржцы всегда с большим уважением относились к немцам-труженикам и перенимали их положительные качества. Недаром в психологическом портрете истинного петербуржца наряду с русским добросердечием и эмоциональностью прослеживаются и характерные немецкие черты: вежливость, сдержанность, аккуратность, пунктуальность, дисциплинированность.

В то же время вторая родина не всегда была справедлива к немцам, особенно в двадцатом столетии, когда они дважды — в 1914 и 1941 годах подвергались гонениям, депортации, уничтожению. Вместо благодарности за все добрые дела, которые они сделали для города...

В книге приводятся имена знаменитых петербургских немцев, прославивших Россию. Это академик Г. Ф. Миллер, математик Леонард Эйлер, строитель, военачальник и политик граф Б. К. Миних, адмирал И. Ф. Крузенштерн, мореплаватель Ф. П. Литке, создатель русских школ для слепых К. К. Грот, скульптор П. К. Клодт, живописец Карл Брюллов, архитектор К. А. Тон (автор храма Христа Спасителя в Москве), врачи Д. О. Отт, К. А. Раухфус, Э. Ф. Шнерк, фотограф К. К. Булла и многие другие. Их имена увековечены в памятниках, названиях улиц и клиник

Санкт-Петербурга. Когда я учился в школе, в детской больнице им. Раухфуса на Лиговке мне удаляли аппендицит. Так что это имя я запомнил с детских лет.

Большой вклад в развитие школьного образования внесли немецкие школы, и в их числе Анненшуле при лютеранской церкви Святой Анны, располагавшейся на Кирочной улице. Основное отличие немецких школ заключалось в том, что в них воспитание детей стояло на первом месте, а затем шло образование. Поэтому из немецких школ выходили исключительно порядочные, добросовестные и трудолюбивые молодые люди.

Однако в немецких школах учились не только немцы, но и дети других национальностей и вероисповеданий. Там не было ограничений по религиозному признаку, в то время как в государственных русских школах для иноверцев устанавливалась определенная квота.

В Анненшуле учились такие знаменитые люди, как выдающийся педагог, создатель системы физического воспитания П. Ф. Лесгафт, замечательный врач и организатор первого в России последипломного медицинского образования Э. Э. Эйхвальд (институт усовершенствования врачей), крупный юрист и общественный деятель А. Ф. Кони, всемирно известный ученый, путешественник, антрополог и этнограф Н. Н. Миклухо-Маклай, создатель великого произведения — памятника А. С. Пушкину в Лицейском саду скульптор Р. Р. Бах, академик-востоковед В. В. Струве и многие другие.

Учителя Анненшуле относились к своим ученикам с уважением, прививали им гуманизм, сострадание и любовь к ближним. Знания, полученные в школе, позволяли ее выпускникам успешно поступать

в российские и европейские университеты, Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге и другие высшие учебные заведения.

После Октябрьского переворота в 1917 году Анненшуле перестала существовать. В одном из ее зданий разместилась советская школа № 203. В 1945 году школе было присвоено имя великого русского писателя А. С. Грибоедова. Высокий дух, царивший когда-то в Анненшуле, непостижимым образом перешел в советскую послевоенную школу. В школе возникла атмосфера любви и взаимного уважения учителей и учеников. Снова из стен школы стали выходить выдающиеся люди. В послевоенной школе учились известные ныне во многих странах: шахматист Виктор Корчной, академик-математик Герман Цейтлин, автор и исполнитель песен Евгений Клячкин, писатель Игорь Ефимов, философ и эссеист Борис Парамонов, кинорежиссер Леонид Эйдлин, геолог, философ и художник Яков Виньковецкий, нобелевский лауреат поэт Иосиф Бродский. Советская тоталитарная система не сломила их. Но большая часть этих талантливых людей не смогли жить и творить на родине и были вынуждены покинуть ее...

Изучая историю петербургских немцев, я не мог не полюбить этих людей. Особые чувства вызвал у меня создатель школ для слепых детей Константин Карлович Грот. Его имя носит одна из улиц на Петроградской стороне. Тема слепых мне близка. Моя бабушка, с которой послевоенные годы я жил в одной комнате, была слепой, и я немного познакомился с миром слепых людей...

Когда я думаю о замечательных петербургских немцах, каждый раз передо мной возникают военно-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru